ТАТЬЯНА ОСТРОВСКАЯ

ostrovska.t@mail.ru

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЭЛИТАРНОЙ ЛИЧНОСТИ: ПРИЗНАКИ И ФУНКЦИИ

Одним из основных объектов активных исследований в лингвистике, в силу перемещения интереса исследований в антропоцентрическую парадигму, является языковая личность. Языковая личность как объект лингвистического изучения представляет собой собирательный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных особенностей, поведенческих реакций и паттернов, знаний, установок, определенного набора ценностей. В структуре языковой личности особое место отводится ценностям, которые представляются наиболее значимыми характеристиками культуры, определяющими поведение человека. Ценности общества, являясь сгустками смыслов, т.е. концептами, проникают во все сферы жизни и деятельности социума, играют главную роль в культуре. Ценностный вектор - это направление развития и формирования любой этническая культура.

В последние годы назрела необходимость выхода за пределы языковой системы, « языка в себе и для себя», она осознана современной лингвистикой и утверждена исследовательской практикой во многом благодаря многочисленным изысканиям в области дискурса.

В.И. Шаховский отмечает, что дискурс даёт возможность подключать к анализу языковой личности факторы широкого диапазона: ментальные, психологические, прагматические и др. Языковая личность проявляет себя в дискурсивных действиях. В дискурсе она выявляет свои этнические, профессиональные, возрастные, половые признаки. Именно в дискурсе личность может обнаружить важное для организации общения эмоциональное состояние (Шаховский, 1998).

Модификации дискурсивных практик элиты в эпоху «текучей современности», концептосферу дискурса элиты, сформированную дискурсообразующими концептами элиты, виды обратной связи, способы манипулирования элиты массами еще предстоит изучить с помощью дискурс-анализа.

При исследование дискурсивных практик элитарной личности обычно рассматриваются ее вербальные знаки и невербальные знаки. Тем временем немаловажная сторона дискурсивной элитарной личности остается незамеченной – это поведенческие модели (паттерны) личности выраженные в концепте «поведение человека», т.е. актуализации поступка, поведенческой модели.

Первые подходы к дискурсу как к поступку мы встречаем у Бахтина:

«Физическое действие человека должно быть понято как поступок, но нельзя понять поступка вне его возможного (воссоздаваемого нами) знакового выражения (мотивы, цели, стимулы, степени осознанности и т. п.)» (Бахтин, 1986:10), что, по сути есть дискурсивная практика – т.е. производство текста (по Бахтину) (см. прим. 1) и его потребление.

Интерес к расширенному пониманию языка лежит в основе учения бихевиоризма, разработанного американским лингвистом Леонардом Блумфилдом, идеи которого он позаимствовал из психологии. Впервые новые идеи были опубликованы в краткой программной статье « A Set of Postulates for the Science of Language», опубликованной в журнале «Language» в 1926 году. Бихевиоризм представляет собой систему взглядов на сущность и функции языка, в основе которого лежит понимание поведения человека как совокупности двигательных и сводимых к ним вербальных и эмоциональных реакций организма на стимулы внешней среды (непосредственных и опосредованных) и отрицание сознания как предмета психологического исследования. Л. Блумфилд перенес из психологии основные понятия бихевиоризма. Язык - это особая форма поведения человека. Язык - это реакция человека на различные внешние, в том числе и социальные вызовы, это поведение человека в условиях этих вызовов.

В отечественной лингвистике существует ряд работ, посвященных исследованию концепта «поведение человека» (Дамман 2012; Чесноков 2009; Кравцов 2008), что свидетельствует об интересе к рассматриваемой теме.

Известно, что дискурс формируется набором дискурсообразующих концептов (см. прим. 2). С другой стороны, сам концепт не может существовать вне определенного дискурса. Если рассматривать дискурс как сценарный план коммуникации, а дискурс-анализ как реконструкцию сценарного плана, логичным представляется введение термина *поведенческий дискурс* личности (в данной статье – элитарной личности) как модели, интегрирующей в себе комплекс набора компетенций, позволяющих личности реализовывать себя в сложном социально-культурном контексте, включающей вербальные и невербальные характеристики. Поведенческий дискурс реализуется уже не языковой, но дискурсивной личностью, при этом поведенческий дискурс – это расширенный дискурс, дополненный характеристиками устойчивых поведенческих моделей определенной дискурсивной личности, поскольку некоторые характеристики дискурсивной личности, такие, например, как «достоинство», «самоуважение» и др. проявляются не столько в лингвистической составляющей дискурса или в кинесике данной коммуникативной ситуации, а имеет более широкий и глубокий объем дискурса, который представляет собой реализацию глубинных поведенческих моделей. В этой связи мы предлагаем дополнить трехмерную модель дискурса, предложенную Н. Ферклоу, таким компонентом как поведенческие паттерны, которые является понятием, иммаментно присутствующим при реализации как дискурсивных, так и социальных практик (см. табл.1).

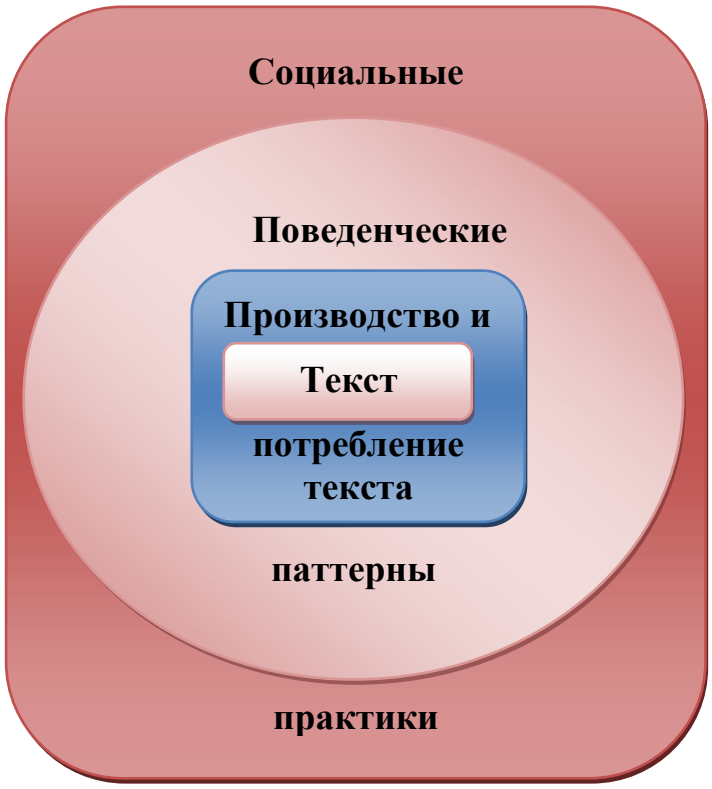

Табл.1

Данная модель применима, главным образом, при определении характеристик дискурсивной личности – элитарной, гендерной, политической, маргинальной и т.п.

Общая характеристика поведенческого дискурса элитарной личности

Для развития теории дискурса и критического анализа большую роль играет взаимосвязь "язык - общество", в частности, в рамках настоящего исследования, «язык – элита». Однако данная проблема остается недостаточно разработанной, именно на ней завязаны основные трудности многих исследований (Fairclough, Wodak 1997; van Dijk 2003, 2005; Wodak 2001; Weiss, Wodak 2003; Chilton, 2004).

Применительно к контексту разных социальных институтов или макросоциальных функций (искусство, религия, спорт, наука, политика) в современной лингвистике выделяют множество типов дискурса. Ученые-лингвисты считают дискурс комплексным явлением, при анализе которого рассматриваются не только уровни языка, но и социальные характеристики, включая оценочную информацию, личностные характеристики, типы социокультурных ситуаций, а также не только вербальные (лингвистические), но и невербальные параметры дискурса.

По этой причине логичным кажется выделение конститутивных признаков и функций *поведенческого дискурса* элиты. Разнообразие методологических подходов к исследованию поведенческого дискурса элиты свидетельствуют о структурной сложности и содержательной глубине исследуемого дискурса.

Термины «поведенческий дискурс элиты» и «поведенческий дискурс элитарной личности» здесь употребляются как синонимы, при этом первое

определение – более широкое, включающее в себя описание поведенческих паттернов макросоциальной группы элиты. Под элитой понимаются индивиды, «которые обладают такими качествами, как высокая вариативность поведения, высокая когнитивная структурированность мышления, ярко выраженная способность к социальной адаптации, социально значимым характером установки» (Васильева 2011:8). Дискурсивное пространство элитарной личности как представителя социального института образуется под влиянием дисциплинирующей силы внешних факторов. Эти факторы влияют на личность и контролируют все ее стороны жизни, как через языковые средства воздействия, так и через другие механизмы, например, через моду, средства массовой информации и др.), в чем и проявляется воздействующие функции каждого типа дискурса. Само понятие дискурсного пространства выходит далеко за пределы понятия текста в его классическом понимании. Поскольку создание и восприятие текста ситуативно обусловлено, экстралингвистические факторы рассматриваются как элементы более широкого дискурсивного контекста. Такой контекст обладает широким набором экстралингвистических параметров и признаков – это социальное пространство и эпоха, арсенал субкультуры элиты, рекрутизация понятий из других субкультур, модификация поведенческих паттернов элиты и пр.

Рассмотрение дискурса через поведенческие модели, т.е. исследование поведенческого дискурса элиты, предполагает знание «сценической площадки» (со всеми присущими ей чертами и оснащением), на которой разворачивается действие, декораций, на фоне которых происходят события, текста, который произносят актеры, скрытых мотивов их поступков – типичных для данной конкретной эпохи или диссонирующих, выходящих за рамки привычных социальных паттернов. Продолжая «сценическую» метафору можно отметить, что ожидания аудитории оправдываются как благодаря произносимым актерами текстам, декорациям, костюмам, позам и интонациям актеров, так и тем, насколько логична взаимосвязь вербальных и невербальных элементов разворачивающегося действия.

Определение и конститутивные признаки поведенческого дискурса элиты

Поведенческий дискурс элитарной личности понимается как развернутое во времени речевое произведение, в котором проявляется совокупность его словесной (вербальной) и невербальной составляющих. Это своеобразный вербальный способ передачи социального символизма, в нем воспроизводятся социально-релевантные образы структурируемой действительности в рамках социального интеракционализма.

Поведенческий дискурс элиты, как и любой другой социальной группы, является *средством хранения, передачи и регуляции знаний* при формировании *локальных поведенческих* дискурсивных практик, которые интегрированы во все социокультурные институты, т.к. в каждом из них есть своя элита.

Поведенческий дискурс элиты представляет собой и *комплекс дисциплинарных практик* [Фуко 1999: 233], проявляющихся как эффект властных

отношений, которые образуют интеллектуально-ценностный фон, конституирующий определенные знания, действия, ценности и поведенческие модели элитарной личности, причем часто этой личность не осознаваемые. Это означает, что поведенческий дискурс элитарной личности ориентирован на создание такой модели личности, социального и культурного субъекта, которая отвечала бы базовым ценностям элиты, определяемым через совокупность концептов, формирующим дискурс элиты. Например:

There is a price to be paid for membership in the most exclusive family in the world. […]*Upon joining, newcomers must surrender themselves to the protocol and habits already established. Old friends and old ways must be discarded, at least publicly*. […] *Spontaneity is frowned upon except in the most carefully prearranged circumstances, like a visit to a children's hospital where Diana is expected to "spontaneously" embrace a child.* (Seward 1997: 14). *Приходится платить определенную цену за то, чтобы стать членом самой привилегированной семьи в мире. Новый член семьи должен следовать требованиям прокола и не нарушать установленных правил. Он должен избавиться от старых друзей и от прежних привычек, по крайней мере, на публике. Всякое проявление импульсивности осуждается, если только это не тщательно срежиссированный «порыв», как в случае посещения Дианой детской больницы, когда она обняла ребенка* (Пер. наш. Т.О.)

Лексические единицы служат средствами актуализации дискурсообразующих концептов, в дискурсивном пространстве они дополняются невербальными, поведенческими аспектами. Поведенческий дискурс элиты характеризуется *высокой степенью концептуальности* и является доменом для множества лингвокультурных концептов: для исследования его семиотики важно выявить дискурсообразующий потенциал базовых и периферийных концептов. К ним можно отнести:

- концепт избранности;
- концепт власти;
- концепт публичности;
- концепт социальной значимости;
- концепт привилегии;
- концепт политического влияния:
- концепт компетентности;
- концепт профессионализма;
- концепт ответственности;
- концепт успеха;
- концепт материального благосостояния (деньги);
- концепт нравственности и сохранения традиций;
- концепт целеустремленности;
- концепт космополитизма;
- концепт цинизма;
- концепт люмпенизации;
- концепт рациональности;
- концепт снобизма;
- концепт харизматичности;
- концепт консумеризма;

•концепт интеллигентности;
•концепт свободы (Островская 2012: 95).

Каждый из концептов способен образовывать субдискурсы, которые в свою очередь формируют порядок дискурса. Их борьба за гегемонию приводит к временным ситуациям доминирования определенных дискурсов, т.е. в определенном месте в определенное время модификация дискурсивных практик приводят к формированию некой новой конфигурации дискурса элиты (см. прим 3).

Лингвокультурное пространство поведенческого дискурса элиты можно представить в виде схемы, причем центральное место займет базовый концепт «элитарная личность», поскольку реализация всех вышеперечисленных концептов возможна только через поступки, действия (т.е. поведение) элитарной личности. Концепт «элитарная личность», безусловно, является ядерным для всех субдискурсов элиты, его актуализация происходит как через вербальные и невербальные знаки, так и через социальные, некоммуникативные знаки.

Некоммуникативные (социальные) знаки дискурса элиты

Поведенческие паттерны, т.е модели некоммуникативного поведения представляют собой сложные знаковые системы, основанные на социальных моделях мировосприятия. С одной стороны это многослойные образования со всеми признаками знака, с другой стороны, это структуры, которые, в силу того, что воспринимаются комплексно всеми органами восприятия, трудно поддаются строгому структурному анализу, но представляют собой интересный материал для дискурсивного исследования. Особенностью материала для такого дискурсивного исследования являются достаточно большие текстовые фрагменты, поскольку только в значительном дискурсивном пространстве можно выделить некоммуникативные социальные знаки поведенческого дискурса.

Дискурсивная элитарная личность рассматривается в русле поведенческого дискурса, т.е. мы рассматриваем ее как личность, совершающую поступки, *характерные* для элитарной личности. Эти поступки отражаются как в производстве и потреблении текстов, так и через фоновые знания., т.е. через «прозрачные» или «непрозрачные» поведенческие модели (речевые и социальные) (Ср.: дискурс – это текст, погруженный в жизненное (социальное) пространство). Необходимость рассмотрения семиотики элитарной личности в дискурсивном пространстве, в частности, в поведенческом дискурсе, обусловлена тем фактом, что некоторые дискурсообразующие концепты, например, *достоинство, честь, джентльменство* и пр., характерные для определенной макросоциальной группы, актуализируются в бо́льшей степени благодаря проявлению определенных поведенческих (невербальных) паттернов, нежели через вербальное поведение, в чем и выражается *семиотичность* поведенческого дискурса элиты.

С точки зрения семиотики поведенческий дискурс элиты представляет

своеобразную знаковую систему, в которой происходит изменение семантики разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий в совокупности с невербальными моделями поведения, включая кинесику и другие поведенческие реакции в рамках символического интеракционализма. Например:

В каждом обществе есть своя символика для того, чтобы отличить элиту от простого смертного. В […] африканском племени это может быть ожерелье из зубов убитых зверей (или врагов из другого племени) В странах типа Узбекистана или Таджикистана это количество золотых зубов во рту, причем это не означает, что элитарен тот, у кого раньше других зубы повыпадали. Для обозначения своей элитарности вырываются здоровые зубы, чтобы заполнить рот золотом. У «новых русских» мера элитарности определяется толщиной золотых цепур (Розанова: http).

В процессе развития дискурсивных практик происходит их модификация, в чем и заключается *репродуктивный характер* деятельности (поведения) субъекта дискурса. Основным стремлением субъекта, в данном случае элитарной личности, является, с одной стороны, введение инноваций, которые появляются благодаря пониманию своей социальной роли внутри сообщества (элиты) и наличию индивидуальных особенностей, с другой стороны – стремление поддержать существующие социальные паттерны. Эти противоположно направленные процессы в совокупности формируют поведенческий дискурс элитарной личности на макросоциологическом уровне, в чем и состоит *социокультурная функция поведенческого дискурса.* Для модифицированной элиты нового тысячелетия характерны черты, которые появились благодаря возникновению и широкому распространению новых технологий и компактных мобильных устройств, вследствие чего возникают новые «социальные матрицы дискурса» (термин Нормана Ферклоу), при которых «привилегированные жители как Европейской, так и Тихоокеанской сферы, а также богатейших примыкающих к ним провинций станут освобожденными, наделёнными властью номадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией. Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами – своим народом, своими близкими…» (Аттали, 1993:18).

На закрепление социальных паттернов элиты, передачу культурных и институциональных ценностей в условиях борьбы дискурсов за гегемонию, каждый из которых является носителем иных субкультур, влияют средства массовой информации (См.: Чудинов, Будаев 2006: 167), следовательно, можно утверждать, что СМИ являются средством *пролиферации поведенческого дискурса элиты.* Культура слова в символическом пространстве культуры вытесняется визуальной или видеокультурой. Источником культурной информации в эпоху медиакратии становятся экранные СМИ. Перед экранами кино и ТВ, мониторами компьютеров люди проводят значительную часть своего жизненного времени. Основная экранная продукция – картинки, анимационные, виртуальные образы. «Картинка» в соединении с озвучкой, как известно, обладает большей суггестивной силой, чем вербальные знаки. Символическое поле значений и смыслов, (*добавим: и поведенческих моделей*)

формируемое с помощью экранной картинки, постоянно расширяется, вытесняет на периферию массовой культуры рациональные компоненты (Русакова, Русаков http).

Онтологичность поведенческого дискурса элиты состоит в том, что элиты вечны и, пока существует человечество, будут существовать и элиты, а на место исчезнувшей заступает новая, которая не всегда лучше старой. Поведенческий дискурс элиты включает в себя такие ключевые категории, как избранность; принадлежность к власти; публичность; сохранение традиций; харизматичность; наличие политического влияния, социальной значимости, привилегий, профессионализма, ответственности.

В совокупности они образуют категорийно-понятийное поле, ядром которого является «элитарная личность».

Конвенциональность поведенческого дискурса элиты проявляется в различных семантических формах: вербальных – клише, идиомы, прецедентные тексты, метафоры (См.: Чудинов 2008: 86-93), сленгизмы и пр., невербальных – кинесика, поведенческие реакции, мир вещей и пр. Например:

На планете «Кин-дза-дза» в фильме Данелии наиболее элитные слои определялись по цвету штанов: кто носит желтые штаны, перед тем положено приседать два раза с приветствием «ку», красные штаны - три раза «ку». «А как у вас на Земле определяют перед кем надо три раза присесть?» - спрашивает инопланетянин. «А, так это на глазок», - отвечает землянин. «Ну вы там и дикари!» - констатирует житель планеты Кин-дза-дза. В общем, да, дикари. Разве что кроме военных, у которых все четко прописано на погонах, так что когда встречаются двое людей в военных формах, они, обычно здороваясь, смотрят не в глаза, а на плечи (Розанова: http).

Институциональность поведенческого дискурса элиты является его неотъемлемой характеристикой, т.к. субъектами дискурса элиты являются представители различных институтов: элиты по происхождению, меритократической элиты (творческой, культурной, политической, национальной, спортивной, религиозной и др.). Институты, по мнению Талкотта Парсонса, это «всеобщие модели норм, которые очерчивают категории предписанного, разрешенного или запрещенного поведения в социальных отношениях людей, в их взаимоотношениях друг с другом как членов общества и его различных подсистем и групп» (Parsons 1960: 177).

Идеологичность поведенческого дискурса элиты основывается на традиционной связи элиты и власти. Это система социальных взглядов, коллективно-групповых знаний, верований, основанная на групповых ценностях, нормах, интересах. Дискурс идеологичности позволяет осуществлять поиски истинного смысла, предзаданности соответствия неких явлений четко определяемым целям субъекта деятельности не только в рамках речевых коммуникаций, но и практически во всех типах коммуникативных практик, в том числе и поведенческих паттернах элиты.

Именно дискурс идеологичности делает абсолютно очевидным, понятным действительный смысл предназначения президентской речи, любого рекламного ролика, величественного офиса или PR-акции дарения игрушек детскому дому во время предвыборной кампании, позволяет осуществлять

рационально-логическую операцию кодирования и декодирования этого имманентного смысла (Арапова 2007:121).

Интертекстуальность поведенческого дискурса элиты выражается в его свойстве воспроизводить паттерны как вербального, так и невербального поведения в рамках выражения определенной идеологии, социокультурных установок, ценностей, норм. Классическое определение понятиям интертекстуальность и «интертекст» дал Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» (Барт: http). Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение определенных элементов дает новые комбинации. По образному выражению У. Эко, все мы карлики, стоящие на плечах великанов.

Прагматический аспект поведенческого дискурса элиты заключается в его функциях, главными из которых являются социальная солидарность, поддержание и сохранение системы ценностей, рекрутизация элиты, функция социального контроля.

Неоднозначность и многосторонность подходов к определению доминирующих функций поведенческого дискурса элиты отражает его полипарадигматичность и сложность как общественного феномена.

Список литературы:

Арапова М.А. Дискурс идеологичности, или теоретико-методологические основания социологического анализа идеологических процессов/ Известия Уральского государственного ун-та. 2007. № 51. С. 117— 129.

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали – М.: Международные отношения, 1993. – 30 с.

Барт Р. Мифологии [Электронный ресурс]/ Р.Барт. Мифологии. – Режим доступа: http://rumagic.com / ru_zar/sci_philosophy/bart/2/.

Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философии анализа. Литературно-критические статьи. М, 1986

Васильева А. Н. Теория элит: социология политики. - М.: Социум, 2011. – 208с.

Островская Т.А. Взаимодействие концептов и дискурса в исследовании дискурса элиты / Т.А. Островская // Национально-культурный компонент в тексте и языке: тезисы док. V Юбилейной междунар. науч. конф. (Минск, 6-8 дек.2012г.) – Минск, 2012. –

С. 93-98.

Розанова М. Ellita об элите [Электронный ресурс] / М.Розанова// Журнал " Elle". – Режим доступа:http:// revykin.com/rozanova/09.htm

Фуко Мишель. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко – М.: Изд. «Ad Marginem», 1999. – 479 с.

Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс: Теоретико-Методологический Анализ. - Режим доступа: http://gendocs.ru.

Чудинов А. П. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 45. – С. 167-175.

Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI века / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Вып. 1(24). – Екатеринбург, 2008. – С. 86-93.

Шаховский В. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. Шаховский // Филол.науки. – 1998. – № 2. – С. 43 – 47;

Parsons T. Structure and Process in Modern Societies (A Collection of Essays). – Glencoe (Ill.), 1960.- P.177.

Seward Ingrid. Diana. An Intimate Portrait. Contemporary Books. – Chicago (Ill.), 1997, 244 p.

Примечания:

1. За каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность) (Бахтин, 1986:3).
2. Некоторые положения статьи первоначально публиковались в журнале Политическая лингвистика, №4, 2013 г.
3. Так, например, для современной элитарной личности в русском дискурсе элиты одним из базовых концептов является «люмпенизация».

Татьяна Александровна Островская - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета, **ostrovska.t@mail.ru**